

М.Ю. Лантева

Гекатей Милетский в политической истории позднеархаической Ионии

Архаическая эпоха в истории древней Греции (VIII–VI вв. до н.э.) была не только временем экономического расцвета, социальных потрясений и политических экспериментов, но также периодом уникального культурного подъема. В этом культурном всплеске времени архаики, именуемом в некоторых исследованиях «культурным переворотом», восточногреческие, ионийские полисы занимали первенствующие позиции [1]. Среди многих аспектов культурного развития Ионии архаического периода малоизученным является сюжет личного участия творцов этого культурного переворота, ионийских интеллектуалов, в политической жизни своих полисов. Ионийские поэты, историки и философы не только стремились к осмыслению политических ситуаций и форм политической жизни, которыми изобилует история архаической Ионии, но также принимали участие в политике и создании новых полисных институтов [2, с. 29–104].

Этим обстоятельством объясняется и та слава «σοφοί» («мудрецов»), которая сопутствовала некоторым из них. Плутарх, говоря о мудрецах, отмечает, что таковыми их считали за заслуги в государственных делах (ἀπὸ τῆς πολιτικῆς ἀρετῆς – Plutarchos. Solon, 3). Аналогичным было мнение и других античных авторов (Aelianus. Varia Historia, III, 17; Quintilianus. Institutio Oratoria, I, 10, 9). Историческая традиция сохранила не только фрагменты произведений ионийских философов, историков, поэтов, но и разрозненную, порой противоречивую информацию об их участии в общественно-политической жизни.

Нам уже приходилось писать о плодотворной деятельности на благо родных полисов ионийских философов Фалеса, Бианта и Ксенофана [3, с. 3–15]. Знаменитый логограф Гекатей из Милета, чье имя связано с первыми шагами греческой исторической науки, оставил не менее яркий след в истории позднеархаической Ионии. Гекатей, сын Гегесандра, происходил из знатного милетского рода, имеющего, по подсчетам самого Гекатея, как это отмечает Геродот, не менее шестнадцати поколений (Herodotus (далее – Her.), II, 143; VI, 137). Точный год рождения Гекатея неизвестен. Византийский толковый словарь X в. н.э. Свида датирует время его жизни правлением Дария I (s. v. Ἐκάτειος). До начала Ионийского восстания он уже получил известность как логограф, автор двух значительных трудов – «Описание земли» и «Генеalogии» (или другое сохраненное традицией название – «Истории»), которые стали известны ионий-

цам в 65 олимпиаду, т.е. в 520–517 гг. до н.э. (Suida, s. v. Ἐκάτειος).

Ко времени написания этих трудов историческая наука в Ионии уже сделала первые шаги. Интерес к историческому прошлому своих полисов обнаружился еще задолго до начала архаического периода. По свидетельству Свида, Кадм, сын Пандиона, милетянин, который «был немного моложе Орфея», написал прозаическое сочинение об основании Милета и других ионийских поселений в 4-х книгах. Он же называется Свидой первым, кто привез в Грецию финикийский алфавит (s. v. Κάδμος). Позднее, в VII в. до н.э., два ионийских поэта, Каллин из Эфеса и Мимнерм из Колофона, отразили в своих элегиях важнейшие события в истории родных общин. Каллин – нашествие на ионийские города киммерийцев (fr. 1–4 Diehl³ [4]), Мимнерм – основание Колофона пилосцами, а также древнейшую историю Смирны и ее борьбу с лидийцами (fr. 12, 13 Diehl³). В VI в. до н.э. Биантом из Приены и Ксенофаном из Колофона были предприняты поэтические попытки не только пересказать отдельные факты истории, но и осмыслить историческую судьбу Ионии. Биант, находясь в эмиграции, писал поэтические произведения, посвященные Ионии. В двух сотнях стихов, как сообщает Диоген Лаэртский, он развивал тему благоденствия Ионии (I, 85). Ксенофан посвятил одну поэму основанию родного Колофона, другую же – колонизации Элеи, в которой он принимал участие и где создал известную философскую школу (Diogenes Laertius, IX, 18).

Гекатей, несомненно, знал исторические сочинения своих предшественников, а также ионийскую философскую литературу. Ему было известно и сочинение Анаксимандра «О природе», а также составленная им первая карта мира. «Описание Земли» Гекатея вполне могло быть своего рода комментарием к карте мира Анаксимандра, имевшей впоследствии практическое применение. Эту карту демонстрировал во время своих переговоров в Спарте милетский тиран Аристагор (Her., V, 49). При этом вполне вероятно, что он пользовался как комментарием книгой Гекатея, который был одним из советников милетских тиранов (Her., V, 36). Был известен Гекатею и «Перипл» карийца Скилака, который по приказу Дария I в 519–516 гг. до н.э. совершил путешествие по реке Инд и вдоль побережья Персидского залива. Вся эта научная, географическая, историческая, философская литература, а также ионийская лирика и эпос могли вдохновлять Гекатея и служить источниками для его сочинений.

Однако нам представляется более правдоподобным, что к созданию собственных, тематически более насыщенных, чем у предшественников, произведений, содержащих сведения по географии, этнографии, религии, о государственном устройстве современной ему ойкумены («Описание земли»), а также – древнейшей истории Греции («Генеалогии»), Гекатея подвигли его собственные путешествия, стимулируемые его личным интересом к истории, географии и этнографии окружающего мира. Возможно, это были путешествия по сатрапиям Ахеменидов, в которых, начиная со времени реформ Дария I, установилось относительное спокойствие и порядок. Невозможно установить, объехал ли Гекатей все описанные им земли, предвосхищая путешествия Геродота, но определенно известно, что он был в Египте и беседовал с египетскими жрецами (Нер., II, 143).

В многочисленных исследованиях, рассматривающих становление греческой, а, следовательно, и европейской историографии отмечается то новое, что привнесли труды Гекатея в эту сферу гуманитарного знания. Их отмечает критический подход к свидетельствам предшественников, рационализм в интерпретации мифологических источников, декларируемое авторское право, универсальный характер исследований (т.е. попытки создания общегреческой истории, географии и этнографии) живой интерес к государствам и культуре Востока [2, с. 84–104; 5, с. 107 слл.; 6, с. 6–46; 7, с. 56–86; 8, р. 135–138].

Еще одним важным новшеством стало введение Гекатеем в историографию счета лет по поколениям, каждое из которых составляло 40 лет. (о генеалогиях, в том числе родословии Гекатея, как древнейшем инструменте летосчисления и традиционном способе сохранения исторической памяти). Хорошо известно, что Гекатей составил собственную генеалогию, насчитывающую 16 поколений и восходящую, по его мнению, к богу. Этот факт свидетельствует не о надменном высокомерии, как это представляет Геродот (II, 143), хотя, несомненно, Гекатей как любой аристократ мог заботиться о сохранении своего родословия и даже гордиться им. Но вероятнее всего, это говорит о стремлении логографа соотнести историю своего рода с историей родного полиса и ионийской земли. Как справедливо отмечал Ф. Якоби, генеалогия Гекатея и аналогичное родословие хиосского аристократа Геропита из надгробной хиосской надписи начала V в. до н.э., состоящее из 15 поколений [9, с. 344, 414 (№47)], указывают на начальные события этой истории, совпадая по времени с легендарным и археологическим началом переселения греческих племен в Ионию [6, с. 35; 10, Tl. I, S. 317; 11, с. 187; 12, р. 376–377].

Эти качества Гекатея как представителя ионийской науки рисуют его не только интеллектуалом широких интересов и острого ума (современник и со-

отечественник милетского логографа, Гераклит Эфесский отмечал «многоученость» (πολυμαθία) Гекатея (fr. B 40 Diels-Kranz – [13]), свободного от многих предрассудков, но и политически активного гражданина Милета, патриота Ионии. Подобного рода сочинения предназначались для публичного чтения и могли восприниматься как форма патриотического служения родному полису и ионийской земле.

Отметив особенности Гекатея как логографа, перейдем к его политической деятельности, приходящейся на время Ионийского восстания и наступивших затем политических перемен, к которым Гекатей имел непосредственное отношение (500–492 гг. до н.э.). В канун Ионийского восстания, спровоцированного тиранами Милета Гистиеем и Аристагором, Гекатей был, подобно Фалесу, советнику милетского тирана Фрасибула, приближенным (στασιώτης) милетского тирана Аристагора (Нер., V, 36). Его близость к тирану (как и в случае с Фалесом) может объясняться как его происхождением, так и личными заслугами как ученого [3, с. 4–6]. Правда, он не был другом ни Аристагора, ни его предшественника Гистиея, и, как показывают события ионийского восстания, степень его влияния на милетских тиранов не была так велика как у философа Фалеса: в глазах милетских тиранов он, вероятно, имел лишь авторитет ученого.

Геродот подробно рассказывает о совещании милетского тирана Аристагора со своими приверженцами, в число которых входил и Гекатей (V, 36). Это совещание происходило сразу же после неудачной попытки Аристагора присоединить к персидским владениям остров Наксос. Аристагор убедил присутствующих в необходимости начать восстание против персов. При этом он явно скрыл тайные и своекорыстные цели, которые в связи с этим восстанием вынашивали он и его родственник Гистией (прежний тиран Милета), находящийся в качестве сотрапезника царя в Сузах (Нер., V, 35–36). Скорей всего Аристагор убеждал участников совещания в необходимости освобождения от власти персидского царя и установления демократий в ионийских городах (Нер., VI, 3. Cf.: Нер., V, 106). Об этом свидетельствуют и первые мероприятия восставших: утверждение демократических правлений и поход на резиденцию сатрапа Артаферна – Сарды (Нер., V, 37, 99–100).

Геродот пишет, что Гекатей единственный на совете приближенных Аристагора выступил против восстания, аргументируя это, с одной стороны, величиной и военной мощью персидской державы, с другой – слабостью военной силы ионийцев. Доводы его не убедили совещавшихся, и тогда Гекатей предложил добиться господства на море, употребив на строительство кораблей посвященные дары лидийского царя Креза из святилища в Бранхидах (Нер., V, 36, cf.: I, 92). В этом эпизоде Гекатей предстает независимым мыслящим и даже бесстрашным человеком, смело

излагающим перед милетским тираном собственный взгляд на текущие события. Гекатею хватило здравого смысла, чтобы увидеть безумие, бесперспективность и изначальную обреченность намеченного заговорщиками предприятия. В этом эпизоде мы видим то же стремление к истине вопреки мнению «большинства», как и в авторском заявлении, сделанном Гекатеем в начале его исторического сочинения (9, I F 1a).

Вероятно, убеждая заговорщиков отказаться от мятежных замыслов, Гекатей в качестве доводов ссылаясь на собственные исторические изыскания и личные наблюдения, полученные во время путешествий по обширной персидской державе. Заметим еще одну особенность поведения Гекатея накануне восстания. Столкнувшись с глухим непониманием участников совещания, он не «хлопнул дверью», как в похожей ситуации сделал эфесский философ Гераклит после изгнания его друга и несостоявшегося философа Гермодора (Diogenes Laertius, IX, 2–3), а предложил, учитывая неизбежность восстания, новый план: создать общеионийский флот, и, завоевав господство на море, противостоять персам.

План Гекатея был вполне реальным. Всего за четверть века до Ионийского восстания морского господства в Эгейском море (талассократии) добился самосский тиран Поликрат, что позволило ему больше, чем другим ионийцам отстаивать свою независимость (Her., III, 39). Благодаря самосцам в ионийском флоте были новые типы кораблей, например, быстроходное судно новой конструкции Σάμανα (Phot., s. v. Σαμαίνη; Hesych., s. v. Σαμακός τρόπος [14–15]). Кроме того, в это время фокейский стратег Дионисий изобрел новые тактические приемы ведения морского боя, которые впоследствии были заимствованы и успешно применялись другими полисами, а самим ионийцам могли обеспечить победы на море (Her., VI, 12). Накопленные в милетском святилище Аполлона в Дидимах сокровища могли быть использованы для этих целей. Обычно считается, что восставшие не приняли этого предложения Гекатея из-за его чрезмерного радикализма или даже из-за суеверного страха [16, с. 108–109]. Но практика использования храмовых сокровищ в военных целях имела место в греческих полисах, как, например, в Афинах накануне битвы при Аргинусских островах. Это не противоречило религиозным убеждениям греков. Будучи воплощенным, план Гекатея позволил бы преодолеть политическую разобщенность Ионии через совместную борьбу за независимость и общеионийскую талассократию.

Дальнейшее участие Гекатея в восстании может быть реконструировано следующим образом. Даже после того, как этот план был отвергнут, Гекатей не отступился, а продолжал участвовать в событиях, в которые он оказался вовлеченным помимо собственной воли. Когда в начале восстания преемник милетского тирана Гистиея Аристагор отправился за помощью

в Спарту, он получил, вероятно, от Гекатея, карту Анаксимандра, чтобы наглядно показать спартамцам величину и богатство персидской державы, а также легкость ее завоевания (Her., V, 49). Гекатей, возможно, снабдил тирана собственным комментарием к этой карте, скорее всего, это было его «Описание земли». Это можно предположить из наполненного этнографическими подробностями рассказа Аристагора во время его переговоров со спартанским царем Клеоменом о проживающих на территории Персидской державы народах и их богатствах, а также из следующего замечания Геродота (Her., V, 49–51): «Ему (Аристагору. – М.Л.) не удалось даже обстоятельнее рассказать об этом пути к царской столице». Далее следует рассказ Геродота о Царской дороге с указанием многочисленных подробностей, в том числе количества стоянок и расстояний между ними (V, 52–54). Вряд ли Аристагор знал и мог удержать в памяти все подробности географии и этнографии персидского государства, а также устройства Царской дороги.

До конца восстания Гекатей был советником тирана Аристагора. Геродот, рассказывая о финальных событиях восстания (V, 124–125), называет его *συστησιώτης* (участник восстания, повстанец). Однако к советам его по-прежнему не прислушивались. Так, в конце восстания ионян в качестве альтернативы намерениям Аристагора вывести милетян (ввиду приближения персов) на остров Сардон или в Миркин во Фракии, Гекатей предложил более перспективный вариант: построить крепость на Леросе, колонии милетян, одном из островов Спорад (Her., V, 125). Этот остров был расположен недалеко от Милета, к юго-западу от милетской гавани Посидий. Гекатей предложил построить там крепость и переждать нападение персов на Милет, а впоследствии вернуться в город.

Этот план так же, как и предыдущие планы ведения войны Гекатея, был прагматичен и исходил из принципа наименьшего зла, позволяя милетянам и их союзникам сохранить флот, контролировать Эгейское море и затем, избежав больших потерь, восстановить полис. Так впоследствии поступили афиняне, эвакуировавшие ввиду приближения к городу персидской армии свои семьи и рабов на Саламин, Эгину и в Трезен, сохранив при этом афинский флот (Her., VIII, 41, 44). Но и этот план был отвергнут, и события стали развиваться в катастрофическом направлении: Аристагор вывел часть милетян во Фракию и вскоре погиб, а после морской битвы у острова Лада Милет был взят персами, храм и оракул в Дидимах разграблены и сожжены, мужчины перебиты, а женщины и дети обращены в рабство (Her., V, 126; VI, 7–20).

Где находился Гекатей во время осады Милета – неизвестно, но из дальнейших событий восстания ясно, что он не утратил мужества и надежды на политическое урегулирование последствий восста-

ния, которое он не одобрял. Через два года после окончательного поражения восстания Гекатей возглавил посольство ионийцев к персидскому сатрапу Артаферну и сумел договориться о приемлемых и даже выгодных условиях мира. Переговоры Гекатея с Артаферном и последовавшие затем указы сатрапа подробно описывает Диодор Сицилийский (X, 25, 2). Продолжает и дополняет этот сюжет сообщение Геродота о мерах, предпринятых Артаферном и персидским полководцем Мардоном по отношению к городам Ионии после подавления восстания (Нер., VI, 42–43). Как рассказывает Диодор, Гекатей прибыл к сатрапу Артаферну во главе посольства ионян. По словам Диодора, Гекатею удалось убедить Артаферна отнестись милостиво к побежденным городам. После этого Артаферн «назначил законы городам и приказал платить установленные посильные налоги».

Из сообщения Геродота становятся понятны подробности этих указов: законы касались не внутреннего управления полисами, а мирного разрешения споров между ними. Посильные же подати были установлены после обмера их земель и, как замечает Геродот, почти не превышали прежних податей (Нер., VI, 42). Последовавшее затем весной 492 г. до н.э. упразднение тиранических правлений в ионийских городах персидским полководцем Мардоном и установление в них демократических правлений было продолжением политических начинаний Артаферна. Несомненно, оно соответствовало и потребностям ионийцев, давно разочарованных тираническими режимами. Важно также отметить, как Геродот оценивает политический итог этих мероприятий: «Эти меры принесли мир Ионии» (Нер., VI, 43). В установлении этого ионийского мира значительна была роль дипломатии Гекатея Милетского.

Поистине для Гекатея-политика после многих лет его неволе, разочарований и пережитой трагедии Милета это был «звездный час». Но он наступил на закате его жизни. Последнее сообщение о нем относится к 492 г. до н.э., времени посольства ионийских городов к Артаферну. По свидетельству Свида, Гекатей пережил Персидские войны

(s. v. Ἑλλάνικος). Как считает С. Н. Муравьев, он умер между 480 и 478 гг. до н.э. [17, с. 29].

Гекатей был последним заметным представителем интеллектуальной и политической элиты архаической Ионии, полисы которой, начиная с Ионийского восстания, теряют свою самодостаточность и «перетираются» между жерновами державной политики персов и крупных полисов Балканской Греции. Его заботы и усилия, так же, как и начинания Фалеса, Бианта, Гераклита и Гермодора и других выдающихся ионийцев, были направлены на достижение процветания и независимости родного города и ионийской земли. По словам С.Я. Лурье, «...он был одним из умнейших политиков и руководителей Ионийского союза» [8, р. 135–139; 16, с. 109, cf.].

В заключение следует отметить, что в критические периоды истории Ионии деятельность ионийских интеллектуалов была спасительной для ионийцев и отдельных ионийских полисов. Если в случае с Фалесом или Биантом это были политические услуги, дававшие их государствам конкретные политические выгоды (особый статус Милета в державе Ахеменидов, успешное разрешение конфликта между Самосом и Приеной), то в период Ионийского восстания, накануне нашествия персов на полисы Балканской Греции речь уже шла не об отдельных частных выгодах и сохранении политической независимости, но о выживании всего ионийского этноса. Ионийские полисы могла постигнуть судьба Милета. В том, что этого не случилось, – заслуга ионийских интеллектуалов и прежде всего Гекатея и Гераклита.

Однако политически консолидировать Ионию в этот период действия центробежных сил распада и дезинтеграции, усиливаемых эгоизмом и авантюристической политикой тиранов, поддерживаемых персами, ионийским *соφοί* не удалось. Также не удалось ионийским интеллектуалам убедить сограждан в необходимости законодательства и реформ, а самим им не суждено было сыграть для своих полисов роль подобную роли Солона и Клисфена в Афинах, политический опыт которых, несомненно, был образцом для политической и интеллектуальной элиты ионийского общества.

Библиографический список

1. Зайцев, А.И. Культурный переворот в Древней Греции / А.И. Зайцев. – СПб., 2001.
2. Фролов, Э.Д. Факел Прометея / Э.Д. Фролов. – Л., 1991.
3. Лаптева, М.Ю. Интеллектуальная элита в политической истории архаической Ионии: Фалес из Милета, Биант из Приены, Ксенофан из Колофона / М.Ю. Лаптева // Историко-философский ежегодник 2005. – Екатеринбург, 2006.
4. Diehl, E. *Antologia Lyrica Graeca*. Edicio III. Fasc. 1–3 / E. Diehl. – Leipzig, 1954–1955.
5. Тахо-Годи, А.А. Ионийское и аттическое понимание термина «история» и родственных с ним / А.А. Тахо-Годи //

- Вопросы классической филологии. – Вып. 2. – М., 1969.
6. Немировский, А.И. Рождение Клио: у истоков исторической мысли / А.И. Немировский. – Воронеж, 1986.
7. Суриков, И.Е. Парадоксы исторической памяти в античной Греции / И.Е. Суриков // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. – М., 2006.
8. Huxley, G.L. *The Early Ionians* / G.L. Huxley. – L., 1966.
9. Jeffery, L. *The Local Scripts of Archaic Greece* / L. Jeffery. – Oxford, 1961.
10. Jacoby, F. *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Tl. I–III / F. Jacoby. – Berlin ; Leiden, 1923–1958.

11. Молчанов, А.А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тыс. до н.э. / А.А. Молчанов. – М., 2000.

12. Snodgrass, A.M. The Dark Age of Greece / A.M. Snodgrass. – N. Y., 2000.

13. Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch von H. Diels / Hrsg. v. W. Kranz. – Bd. I–III. – Berlin, 1951–1952.

14. Photius. Lexicon. – Leipzig ; Berlin, 1907.

15. Hesychii Alexandrini Lexicon. Vol. 1–5. – Jenae, 1850–1868.

16. Лурье, С.Я. Геродот / С.Я. Лурье. – М. ; Л., 1947.

17. Муравьев, С.Н. Гераклит: современники, легенда, иконография / С.Н. Муравьев // Вестник древней истории. – 1975. – №1.